

Заныло, засвистело над степным простором. Задымились острые вершины сугробов. Затянула округу серо-белая мгла. Когда февральский день склонился к тому месту, где обычно был виден горизонт, в селе уже было не различить домов на противоположном порядке улицы. Начиная ураган. Наступающая ночь тёмной мохнатой и колкой лапой накрыла дома, берега речки, деревянный мост над ней и редкие санные пути, ведущие к селу.

В насмерть прокуренной избе правления, за деревянным столом, над засаленными бумажками сидел председатель колхоза. По бревенчатым стенам бухал своими тяжёлыми порывами ветер, после каждого удара добавлял мягкой дробы снежной крупы, секущей по оконным стёклам. В

сенях хлопнула промёрзшая входная дверь. Андрей Андреевич как-то с размаху затушил папиросу в ворохе окурков, торчащих из металлической пепельницы, и резко поднялся из-за стола. Его плотная невысокая фигура в мягких чёсанках и толстом свитере торопливо заскользила по широким половицам. Он распахнул дверь в сени. Там топали подшитыми огромными сапогами и хлопали шапками об колени, сбивая снег, двое мужиков.

– Ну, что?! – не скрывая нетерпения, возбуждённо громко спросил председатель.

– Нет, Ондрий Ондриич! Ничего не нашли, – ответил первый вошедший.

Другой вторил ему:

– Да где там! Не видно ничего. Сами вон еле выбрались.

Когда все трое вошли в тепло избы, один из мужиков продолжал объяснять:

– Мы и до стогов-то не доехали. Заблудились совсем было. Ну, вот... хоть глаз коли! Ничего не видать. Ладно вон Михаил увидел столбы. Тут уж мы по проводам и добрались. А шас уж и столбов не видать. Как ощупью ехали.

– Да! Думали: всё – каюк! Совсем потерялись, – опять подтвердил второй.

Андрей Андреевич с побледневшим лицом сел на самый край стола. Одной ногой он упёрся в пол, а вторая, согнувшись в колене, повисла в воздухе, бессильно качнув валенком.

– Вот те на! Послали парня за соломой, – зло перемешал речь с матерным ругательством председатель и, глубоко вздохнув, задумался.

Мужики, понимая тяжесть произошедшего, стояли рядом с опущенными руками и сочувственно молчали. Шапки, зажатые в мокрых и красных обветренных руках, покрылись бисером капель на оттаявших снежных крупичках.

Председатель с усилием провёл ладонью по лысому лбу и сполз со стола.

– Так! Давай вот что, мужики. Ты, Константин Алексеевич, дойди до Терёхина. Пусть собирает своих механизаторов к шести часам. А сам давай поднимай, кого сможешь. Миша, ты тоже подумай, кого можно собрать. К Селиванову зайди – без конюхов не обойдёмся. Утром все здесь. Будем искать. Может, всё и обойдётся.

Мужики закивали. Из правления вышли все втроём и исчезли в мути бурана, который разошёлся с неистовой силой, хлеща до боли по лицам и срывая шапки с голов.

В другой стороне от села, в далёком поле, буран накрыл своей бешеной круговертью сани с двумя людьми, которые везли с базы товар для местного сельпо. Они добирались из райцентра напрямки – через реку и заливные луга. Когда был потерян последний ориентир, один из них, тот, кто постарше, прокричал сквозь рёв ветра:

– Колька! Похожа всё! Дальше не поедем!

– Чово же делать-то?! Замерзнем! – таким же криком ответил попутчик.

– Давай останавливаться! Если не остановимся – заплутаемся! Ты гляди-ка, чово творится! Я эдакого ещё не видал!

Мужики остановили лошадь. Под бешеный вой и порывы, несущейся сквозь степь воздушной массы, распрягли её. Сани перевернули на бок, загоразивая себя от ветра. Рядом с привязанной к саням лошадью поставили оглоблю, притянув её к верхним изгибам полозьев упругой супонью.

Мрак начавшейся ночи, в которой разбушевалась стихия, застал в дороге Павла Дмитриевича по прозвищу Няфа. Известный своим упрямым нравом фронтовик не остался ночевать на выселках, расположенных в пяти километрах от села, где навевал родню. И теперь, ругая бранными словами не известно кого, брёл по снежной целине, утопая по пояс в снегу. Ветер подхватывал отчаянную брань и уносил её за собой в открытое поле. Осторожно пробираясь, Няфа каждый шаг равнял по краю оврага, на дне которого, под глубоким слоем снега и льда журчала небольшая речушка, соединяющая выселки с селом.

На колхозной ферме в это время закончилась вечерняя дойка. Доярки, завершив работу, стали собираться домой. Бойкая Шурка первой укутала себя полушалком и вышла во двор. Другие повязывали платки, плотно застёгивали свои фуфайки и манарки. Входная дверь в коровнике скрипнула и впустила во влажное, пахучее пространство рваную струю снежной пыли и покрасневшую Шурку. Её плечи и платок были густо залеплены толстым слоем снега.

— Ой, бабы! Я чего-то боюсь идти одна. Отошла только и уж потерялась. На улице-то ничего не видать. Вот страсть-то! Еле назад дорогу нашла.

Женщины встревожено запричитали:

— Господи! Да что же там такое?

Решили идти все вместе. Молоденькая сердобольная Тоня дольше всех крутилась возле своих коровок. Женщины заторопили её:

— Тоня, давай побыстрей. Вместе пойдём. На дворе, не знай что творится.

Вот дверь коровника распахнулась:

— Батюшки святы! — кто-то испуганно выдохнул, шагая через порог.

Во дворе доярок сразу же охватили тугие струи ледяного воздуха, бившиеся о длинное бревенчатое здание коровника и зло клопочущие вокруг. С неистовой злобой ветер толкал женщин в грудь и в спину, цеплял за края одежды так, что казалось: вот-вот сдерёт одежку и унесёт её в потоке своей стремнины.

В сторону, где начинались сельские улицы, пошли гуськом. Снегу намело столько, что ноги

вязли в нём выше колена, а ветер валил с ног.

— Ой! Забыла! — сквозь рёв урагана прокричала Тоня идущей перед ней доярке. — Я сейчас. Вы идите! Я догоню!

— Да куда ты?! — закричали ей в след, но Тоня уже не слышала. Она исчезла в густой серой массе снежного вихря.

Женщины едва не потеряли друг друга среди снежного месива, поднятого пургой. Они взялись за руки и только благодаря этому смогли дойти до ближайших домов.

Тоня с трудом добралась до двери в коровник. С усилием отворила дверь, на которую упруго давил разбушевавшийся ветер, гнавший тонны снега с полей, что лежали за речкой. Во влажной темноте коровника девушка перевела дух и нашарила на стене вертушок выключателя. Вспыхнул свет. Заунывно промычала корова, учуявшая доярку. Тоня схватила дойницу с молоком и вылила содержимое во флягу, которую по утрам забирали для отправки в город. Когда её поторопили женщины, она забыла слить надоенное с последней коровы. Зашёлкнула крышку блестящей фляги железной скобой, поправила платок и пошла на выход. Свет погас. Тоня открыла дверь и шагнула в темень.

* * *

Утром буран утих. После него в селе не осталось ни одной дороги или тропки. Крыши домов почти сровнялись с вершинами сугробов, наметённых стихией.

Ближе к обеду объявился Будягин Николай, о ком переживал председатель. Он переждал ура-

ган на выселках, куда его сквозь пургу и снежную завесу вывезла низкорослая степная лошадь. Маленькая мохнатая лошадёнка казахской породы ранее содержалась там, в отделении колхоза, у местного конюха.

Тремя часами раньше в село въехали мужики с грузом для сельпо, ночевавшие в поле. Их спасли сани, загородившие от ветра, солома для подстилки и огромный холст брезента, укрывший мужиков от непогоды, как полевой шатёр.

В своей кровати проснулся Павел Дмитриевич по прозвищу Няфа, который далеко за полночь всё же добрался до своего дома сквозь непроглядную пургу и мрак.

И только Тоня... Тоня пропала. Не вернулась домой. Не нашли её и в коровнике. Буран занёс все следы, выровнял степь в одну единую плоскость.

После бурана село несколько дней не успокаивалось: чистили снег, заваливший дороги и дома, налаживали оборванные провода. Подачу электричества восстановили на второй день, а связь – на четвёртый. И всё бы ничего, да только в доме Романычевых повисла шершавым камнем тяжёлая боль. Отец Тони, серый от предчувствия плохого, ходил по двору как очумелый. А в кухонном чулане забились в своём горе в один миг постаревшая мать. Оставаясь одна среди гладких бревенчатых стен, выла всей своей крестьянской душой, как собака, которой переломили хребет.

Три дня искали Тоню в окрестностях села. Председатель колхоза отряжал мужиков для осмотра оврагов и берегов речки. Возле

фермы пролазили все закоулки и силосные ямы. Три дня ждали Тоню домашние. Вдруг откуда-то появится. Вон с выселок Будягин – на следующий день пришёл.

До дрожи в груди ждала Тоню мать: а вдруг дочка появится так же, как Будягин.

Нет. Объездили отряженные мужики все соседние сёла и деревни, обошли все окрестности. Тони нигде не было. Искать в поле бесполезно: всё сровнял ураган. Не видно ни овражка, ни ложбиночки. Везде ровная, как лист белой бумаги, степь. Блестит себе под ярким солнцем, искрится. Прячет всё, что попало под снег, хранит до весны свои тайны.

О происшествии заговорили уже на следующий день. Леонид услышал об этом возле магазина, куда ходил за хлебом и сахаром. Сельские женщины обсуждали страшную новость, качали головами и сочувственно причитали, жалея и Тоню и её родных.

Когда Леонид понял, о чём говорили бабы, дыханье перехватил спазм. Так бывает, когда со всей силы дадут под дых. Скрежетнули зубы. Пустая муть залила глаза. Он едва утаил в своей густой бороде тяжёлый выдох, схожий со стоном. Благо в этот момент скрипнула тяжёлая входная дверь и своим глухим ударом о рубленый косяк заглушила неожиданно выплеснувшееся переживание. Стараясь ни на кого не смотреть, Леонид набил свою авоську хлебными кирпичами и с наклонённой головой вышел. В след раздался шёпот:

– Гляди-ка! Переживает, что ли?

– Что? Что? – кто-то залюбопытствовал.

– Да говорят: Тонюшка-то больно нравится ему.

– Кому? Лёнюшке? Да брось ты. Ему, наверно, никто не нравится. Живёт, как бирюк. Такие уж точно никогда не женятся. Зря всё это говорят.

– Это уж точно! Шурка вон ему сказала: женись, мол, на мне. А он ей: ты – колхозница, не грамотная. Нам и поговорить с тобой будет не о чем.

– Вот ведь! Зато он уж больно грамотный.

– Что-о-о ты! Говорят: книжки только читает, всю свою конуру ими забил.

Кто-то весело добавил:

– Вот и сдурел от своей грамотности, от книжек этих.

Леонида в селе прозвали Лёнюшка Подгорный. Был он поначалу обычным парнем, как и все. Потом пошёл в армию. Там что-то произошло, то ли авария какая-то, то ли несчастный случай. Попал Леонид в госпиталь. А потом его комиссовали по состоянию здоровья. Что уж там врачи узрели в его здоровье – никто не знал. Только вернулся Леонид странным, нелюдимым. Ни с кем в общение не вступал, кроме своих близких. Работать в колхозе наотрез отказался. Чем жил и на что жил – не понятно. Отрастил себе чёрную бороду, как раньше старики носили. Обновил старую землянку, в которой жил ещё его дед. Землянка та была отрыта в крутом склоне, спускающемся к речке. За это и прозвали Подгорным. Так и жил там Леонид который год один-одинёшенек. Внутри землянки ещё как-то порядок подерживал, а вот рядом с входом валялся всякий хлам: непиленые корявые стволы деревьев вместе с

ветвями, металлом, сломанный и выброшенный кем-нибудь нехитрый крестьянский скарб. Для чего всё это собирал Леонид, никто не знал. Все были уверены, что он и сам не знает, для чего это ему. Просто что-то у него с головой не в порядке.

Как-то мужики судачили по поводу странностей Леонида, и один совсем молодой односельчанин спросил о том, что с ним случилось. Тогда авторитетный и убеждённый сединами сосед Лёнюшки со знанием дела ответил:

– Это у него иссушение мозгов! Болезнь такая...

Так все и думали. И привыкли уже к этому странному поведению Лёнюшки. А вот в землянке у Леонида аккуратными стопами лежали книги. Там были обычные художественные произведения, которые перемежались школьными учебниками, но были и труды разных учёных и знаменитостей. Вот и коротал свои одинокие вечера Леонид с книгами в руках. Эти книги он прочитал давно и со временем одолел весь фонд сельской библиотеки.

Женский пол с интересом разглядывал непьющего и некурящего Леонида, особенно в молодости. Он обладал статной коренастой фигурой, правильными чертами лица и крепким телосложением. Да только время шло, а знаков внимания ни к одной из девиц Леонид не проявил. А уж как превратился в Лёнюшку, так и перестали смотреть на него молодые односельчанки. Незавидным стал он женихом. Леонид же жил какой-то своей, параллельной всем жизнью. Не интересовал его обычный крестьянский быт. Всё он думал о чём-то другом, о том, чего не существовало на селе. Вот

и не находил себе спутника, потому что все жили простой, обычной жизнью, а не той, которой грезил Леонид.

Но так уж устроен человек, что сколько одиночеством ни забавляйся, а жить без других людей и без семейного уюта он не может. Вот и загляделся он на юную Тоню, скромницу да умницу. Пожалел-было до слёз, что не живёт такой жизнью, как все, которые могут послать сватов к своей избраннице. Да уже ничего не поделаешь: Лёнюшкино сватовство не примут. Мало того, может, и на двор не пустят. Кому такой жених нужен?

Так и жил под своей горой, с мечтами о несбыточном да с надеждой на то, что как-нибудь засмотрится на него Тоня, обласкает нежным взглядом и теплою.

Весть о пропаже Антонины больно ударила Леонида. К землянке он добрался сам не свой. Его тело тряслось от переживания. Он не знал, что делать с собой. Внутри обжигало что-то рвущееся наружу, било тугими волнами в голову, щемило сердце. Леонид, повинувшись этому чувству, скорее по наитию, чем от ума, обулся в огромные валенки, надел поверх ватника старый почерневший плащ. Разломил пополам купленную только что в магазине буханку и сунул половину в объёмистый карман плаща. Прогрохотал чем-то пустым и пыльным в маленьких сенцах, доставая огромные широкие лыжи.

* * *

Солнце уже повернуло на весну. Несмотря на мороз, нагревало тёмный брезентовый плащ на плечах Леонида. Широкие лыжи,

с хрустом уминая наст, скользили по ослепительному белому снегу. Леонид шагал широко и неспешно. Его ноги, обутые в валенки с галошами, привычно пружинили, морща в гармошку старый войлок у щиколоток.

Два дня уже, как в селе прекратили поиски пропавшей Тони. Все приступили к повседневной рутинной работе. В коровнике грустно мычали коровы, не дождавшиеся доярки, так любезно с ними обращавшейся. Леонид же как заведённый объезжал равнину возле села, не прекращая поисков пятый день. Он не стал искать пропавшую вместе со всеми. Что-то ему подсказывало, что искать так, как искали её односельчане, бессмысленно. Поэтому он чётко определил для себя схему поиска и маршруты. Не делая предположений, куда могла двигаться пленённая снежной стихией девушка, он начал с методичным упорством объезжать село кругами, двигаясь по спирали, каждый раз удаляя маршрут от крайних домов. Сейчас он почти приблизился к лесу, который находился от села в пяти километрах.

Леонид уже час наблюдал за воронами, которые кружились над равниной. Серые и крикливые, они садились прямо на снег в одном и том же месте. Подпрыгивая на корке наста, что-то высматривали, вертя длинноклювой головой, и опять взмывали вверх. «Неужели она? – подумал Леонид. – Что же она так далеко забралась? Против ветра так далеко уйти!»

Ему хотелось найти Тоню, но до этого момента он как-то не осознавал, что найдёт её неживой. Леонид отклонился от маршрута и двинулся к месту, где хороводилось воронье. Он всё ещё надеялся

ся, что всё может как-то обойтись. Ведь по его расчётам пропавшая девушка должна была двигаться по ветру, а не против его потока. Да и попасть в эту сторону от села можно было только через глубокий овраг, по дну которого текла речка. Проверял он всю округу больше для своего успокоения, чтобы исключить любую случайность.

Ещё не доехав до истоптанного птичьими лапами клочка широкой равнины, он увидел неровность на снегу. Небольшой бугорок подтял с солнечной стороны, и сквозь обледеневшую корку наста проглядывало маленькое чёрное пятнышко.

Леонид, шумно дыша от тяжёлой ходьбы, стряхнул большой рукавицей снег с вершины низкого сугроба, и из-под снега показалась чёрная поверхность ватника. Ещё взмах рукавицей, и показался серый платок, в котором Тоня ходила на работу. Леонид с трудом перевёл дыхание и отвернулся.

Он долго ещё сидел рядом с той, которая так нравилась ему. Теперь тело её было рядом, в его власти. А вот самой... Самой Тони уже не было. Теперь она была там, где её невозможно было достать и увидеть.

Уже темнело, когда уставший и хмурый, с ввалившимися глазами, в промокшем ватнике и с блестящей от влаги бородой, Лёнюшка ступил на улицу села. В его плечи врезались верёвка, конец которой был привязан к сооружённой им повозке из лыж. На повозке, закутанное в огромный грубый плащ, лежало скрюченное тело пропавшей девушки.

Навстречу Лёнюшке попадались люди, сначала не догадывавшиеся о том, что везёт сель-

ский чудак. Поравнявшись с ним, женщины вскрикивали, а мужики охали и молча шли вслед.

Кто-то предложил Леониду помочь, но он выдохнул:

– Я сам.

Больше никто не пытался предложить помощь.

Показался отец Тони. Он сначала бежал навстречу, а перед самим Лёнюшкой вдруг резко остановился, вымученными глазами на сером лице взглянул в глаза ему. Потом медленно обошёл Лёнюшку и опустился на колени, рядом с телом дочери. В глубине улицы раздался душераздирающий вой матери Тони. Она бежала навстречу, пока были силы. И вот остановилась, хлопнув руками по коленям:

– Госпо-ди-и-и!

Медленным шагом обошла стоящего Лёнюшку, не глядя на него, и рухнула сначала на колени, а потом на промокший плащ, обнимая его и прижимаясь всем телом.

* * *

За окном морозило. Ночь опустилась на село. В выстуженной землянке тепло, идущее от недавно растопленной печи, покрыло стены влагой. Леонид сидел за столом в промокшей фуфайке перед зажжённой керосиновой лампой и смотрел в темноту угла. Там на подставке лежали стопками книги. Ему хотелось лечь, но раздеваться не было сил. Как не было их и для того, чтобы умыться, что-нибудь съесть, просушить грубый холст, на котором он обычно спал. И в душе не было никаких сил – одна пустота. Он всё никак не мог отогнать от себя воспоминания о согнутом теле Тони, о её коленках, подтянутых к

подбородку, и о том спокойствии на молодом лице, с которым она приняла смерть.

Горячее тепло припекло щеку. Леонид поднялся и подошёл к маленькому оконцу. За его стеклом в небе плыл месяц, проливая свой перламутровый свет на искрящуюся равнину полей, где сегодня он нашёл пропавшую Тоню. Так тяжело Леониду ещё не было. Ему казалось, что сегодня он сам разрушил свои надежды. Теперь уж точно не обласкает его взглядом Антонина, не пода-

рит тепла. Забрала её тепло бездушная снежная даль, а всё равно осталась холодной. Тепло человеческое согреть может только человека.

Щёки продолжало греть что-то непонятное. Леонид повернулся к лампе и провёл ладонью по лицу и бороде, посмотрел на руку. Ладонь стала мокрой.

«Насмотрелся на солнце и на снег», – подумалось Леониду, а с бороды на грязный пол упала прозрачная капля, оставив в пыли круглый след.